

Научная статья
УДК 93/94
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/85-95>

Выученный урок: "январский кризис" 2022 года в Казахстане и события на площади Тяньаньмэнь 1989 года в ретроспективе биографии К.К. Токаева

Иван Юрьевич ЗУЕНКО

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия; Московский государственный институт международных отношений (Университет), Москва, Россия, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Аннотация. В основе статьи лежит несколько сюжетных линий, объединяющих два, казалось бы, несвязанных исторических события: "январский кризис" 2022 года в Республике Казахстан и события на площади Тяньаньмэнь в Пекине, КНР, в апреле-июне 1989 года. Прежде всего, эти два события объединены личностью президента Казахстана Касым-Жомарта Токаева. Он являлся непосредственным очевидцем «тяньаньмэньского кризиса», поскольку в данный период работал в посольстве СССР в КНР; он же является основным действующим лицом и главным бенефициаром "январского кризиса" в Казахстане. Выдвигается гипотеза, что уроки, которые вынес для себя Токаев из событий "пекинской весны", способствовали принятию решений, приведших в конечном итоге к преодолению "январского кризиса" в Казахстане и консолидации власти в его руках.

Ключевые слова: Китай, Казахстан, Тяньаньмэнь, протесты, Токаев

Для цитирования: Зуенко И.Ю. Выученный урок: "январский кризис" 2022 года в Казахстане и события на площади Тяньаньмэнь 1989 года в ретроспективе биографии К.К. Токаева // Известия Восточного института. 2022. № 2. С. 85–95. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/85-95>

Original article
<https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/85-95>

A Learned Lesson: 2022 January Crisis in Kazakhstan and 1989 Tian'anmen Crisis in China in biography of Kassym-Jomart Tokayev

Ivan Yu. ZUENKO

Institute of History, Archeology and Ethnology, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, Institute of International Studies, Moscow State University of International Relations (MGIMO), Moscow, Russia, i.zuenko@inno.mgimo.ru

Abstract. The article focuses on several historic parallels between two protest movements: in China in 1989 and in Kazakhstan in 2022. Both are linked to the figure of current president of Kazakhstan Kassym-Jomart Tokayev who witnessed Tian'anmen Crisis in China during his work at Soviet Embassy in 1985-1991. Tokayev fixed many of mistakes by Chinese leadership in 1989 and in the result of Kazakhstan January Crisis resolution managed to consolidate all the power in the republic in his hands. Without archive materials an analysis of this event still cannot be fulfilled in a responsible manner but hypotheses of the article is that experience of witnessing Tian'anmen Crisis in 1989 helped Tokayev to be successful in resolution of January Crisis in Kazakhstan in 2022. Material for such conclusion was provided by analysis of Tokayev's memoirs dedicated to his diplomatic career including the period of the work in Beijing.

Keywords: China, Kazakhstan, Tiananmen, protests, Tokayev

For citation: Zuenko I.Yu. A Learned Lesson: 2022 January Crisis in Kazakhstan and 1989 Tian'anmen Crisis in China in biography of Kassym-Jomart Tokayev // Oriental Institute Journal. 2022. № 2. P. 85–95. <https://doi.org/10.24866/2542-1611/2022-2/85-95>

Поиск исторических параллелей и аналогий – один из базовых методов анализа того или иного исторического события, позволяющий дать ему интерпретацию и в известной степени спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации. Данный подход обладает недостатками, среди которых основной – невозможность полного совпадения всех факторов, влияющих на исторический процесс в различные периоды времени. Иначе говоря, полностью уподобляя одно событие

другому, мы неизбежно придём к ошибочным выводам. Например, зная о том, что многие из антиправительственных выступлений в странах бывшего социалистического лагеря, закончившихся сменой режима и внешнеполитических ориентиров, были инспирированы извне с целью изменения геополитического баланса в регионе (т.н. "цветные революции"), невнимательный наблюдатель может прийти к ложному выводу о том, что все протестные выступления являются частью "игры на великой шахматной доске" и, таким образом, будет недооценивать, а то и вовсе игнорировать объективные социально-экономические и идеологические противоречия, приведшие к волнениям.

Данная статья, хотя и находится в поле исторической компаративистики, не ставит перед собой цели доказать идентичность двух событий, находившихся в поле зрения автора – "январского кризиса" 2022 г. в Казахстане и "тяньаньмэньского кризиса" 1989 г. в КНР. Да и сами эти два кризиса имеют как ряд схожих черт, так и совершенно очевидных различий – речь о них пойдёт ниже. Именно ревизия этих схожестей и различий "пекинской весны" и "алматинской зимы", результаты которой позволят предостеречь многих экспертов и публицистов от ошибочных и ложных выводов и в то же время под свежим углом посмотреть на события января 2022 г., является подлинной целью автора. Связующей линией при этом является участие в обоих событиях одной личности.

Касым-Жомарт Кемелевич Токаев, 1953 г.р., сын известного казахского писателя Кемеля Токаева, профессиональный китаист, кадровый дипломат, выпускник МГИМО, в 1985–1991 гг. работал в посольстве СССР в КНР на должностях второго секретаря, первого секретаря и советника и был непосредственным очевидцем "тяньаньмэньского кризиса", впечатления о котором зафиксировал в своих воспоминаниях [5; 6]¹. После обретения Казахстаном независимости Токаев сделал карьеру в государственных органах молодой республики: сначала по линии МИД, начав сразу с должности заместителя министра, а затем, с 1999 года, в качестве одного из руководителей государства (премьер-министр, председатель сената, государственный секретарь – министр иностранных дел). В 2019 г. Токаев был избран вторым президентом Казахстана, длительное время оставаясь "в тени" первого президента Н.А. Назарбаева, но в результате преодоления "январского кризиса" 2022 г. смог консолидировать в своих руках всю власть в стране и стал, таким образом, главным бенефициаром событий.

Корпусу исторических источников о "январском кризисе" в Казахстане ещё только предстоит формирование; на данный момент мы можем ориентироваться только на официальные сообщения и достаточно отрывочные и противоречивые отзывы очевидцев и экспертов по региону. В таких условиях, без доступа к объективным материалам (архивные документы, мемуаристика), с научной точки зрения безответственно говорить о полноценном анализе, позволяющем установить все движущие и сопутствующие факторы исторического события. Мы и не будем этого делать. Нашей задачей, позволяющей достичь обозначенную выше цель, является попытка посмотреть на события сквозь призму нашего знания о том, что в молодости президент Токаев уже был свидетелем мощного внутривосточного кризиса, едва не разрушившего современный ему Китай, и находился под значительным влиянием увиденного. Это позволит нам реконструировать его восприятие "январских волнений" и интерпретировать предпринятые им шаги. В этом нам поможет анализ упомянутых выше работ самого Токаева, а также знания о ходе и содержании "тяньаньмэньских событий", почерпнутые в имеющейся значительной библиографии по данному вопросу².

¹ Воспоминания о "волнениях в Пекине" (по формулировке самого Токаева) были опубликованы в Алма-Ате в виде отдельной 40-страничной книги в 1994 г. [5], которая доступна в казахстанских библиотеках, однако в России отсутствует даже в Российской государственной библиотеке. Позднее основное содержание книги 1994 г. вошло в сборник "Преодоление" (Алма-Ата, 2003), доступный в российских библиотеках [6].

² Для примера приведём работы автора данной статьи: [2], а также: До и после Тяньаньмэня: как события в СССР влияли на Китай // Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/79318/>

При этом автор исходит из того, что фактографическая сторона китайского и казахстанского кризисов читателю в общих чертах уже известна, поэтому в статье этому вопросу внимание не уделяется. Вкратце отметим, что автор понимает оба кризиса как совокупность процессов во внутриэлитной борьбе, в которых её участники использовали общественное недовольство для достижения собственных политических целей. Результатом же стало разрешение внутриэлитных противоречий, преодоление ситуации "двоевластия": в Китае от власти была отстранена группа политиков, нацеленных на реализацию более радикальных политических реформ, и усилилось консервативное крыло, при этом Дэн Сяопин был вынужден уйти с руководящих постов; в Казахстане от власти была отстранена группа лиц, близких к первому президенту Н.А. Назарбаеву, который при этом был отправлен на фактическую, а не формальную пенсию, вследствие чего усилились позиции К.К. Токаева.

"Пекинская весна" и "казахстанский январь": некоторые исторические параллели

Итак, что же позволяет вообще говорить о кризисах в КНР и Казахстане как о двух схожих процессах?

Во-первых, как уже было обозначено, в обоих случаях мы имеем дело с внутриэлитной борьбой.

В Китае к концу 1980-х гг. углубились противоречия между сторонниками более полномасштабных реформ (т.н. "реформаторы") и сторонниками их замедления, ревизии некоторых положений реформ, идущих вразрез с марксистскими установками (т. н. "консерваторы"). Подлинный политический лидер Китая Дэн Сяопин предпочитал занимать положение "над схваткой" и старался держать баланс между "реформаторами" и "консерваторами", в том числе с помощью кадровых назначений. По итогам XIII-го съезда правящей Коммунистической партии Китая в 1987 г. "реформатор" Чжао Цзыян был переутверждён на посту генерального секретаря партии, однако главой правительства оставался влиятельный "консерватор" Ли Пэн³. Видимость баланса сохранялась и в Постоянном комитете Политбюро ЦК КПК – высшем органе коллективного руководства партией и страной: Цяо Ши занимал в целом нейтральную позицию, тогда как Чжао Цзыян и Ху Цили относились к "реформаторам", а Ли Пэн и Яо Илин к "консерваторам". Таким образом, Чжао Цзыян, будучи формально руководителем партии, не имел определяющего влияния ни в одной из сфер и продолжал являться заложником поддержки Дэн Сяопина [8, с. 386]. Сам Дэн Сяопин, несмотря на ожидания, что в 1987 г. он уйдёт в отставку, продолжал занимать влиятельный пост председателя Центрального военного совета. В результате сложилась ситуация, когда на каждое действие "реформаторов" находилось противодействие "консерваторов". Заявленная на XIII-м съезде партии политическая реформа фактически заглохла, поскольку спущенные сверху директивы игнорировались на местах, а меры по развитию экономики из-за двоевластия были непоследовательными, противоречивыми и привели к росту инфляции и снижению эффективности предприятий. Обе противоборствующие фракции при этом старались заручиться поддержкой Дэн Сяопина, для чего им были нужны народные волнения: "реформаторы" надеялись апеллировать к ним как к свидетельству готовности китайского общества к реформам, а "консерваторы" рассчитывали, что они напугают Дэн Сяопина и заставят его свернуть реформы.

Как не стоит интерпретировать события на площади Тяньаньмэнь // Профиль. URL: <https://profile.ru/politics/china/kak-ne-stoit-interpretirovat-sobytiya-na-ploshhadi-tyananmen-146989/> Почему Китай "забыл" о Тяньаньмэнь // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/06/07/803639-rochemu-kitai>

³ Данные должности и Чжао Цзыян, и Ли Пэн получили в 1986 г. после отставки Ху Яобана, обвиненного в потворствовании буржуазной либерализации, вызвавшей студенческие волнения 1985-86 гг. Примечательно, что ранее Чжао Цзыян возглавлял правительство и считался более компетентным специалистом в вопросах экономического блока, чем Ли Пэн, что вызвало противоречия в работе правительства в период 1987-1989 гг.

В Казахстане же основным внутривластным вопросом рубежа 2010–2020-х гг. стал поиск оптимальной формы транзита власти от стареющего президента Н.А. Назарбаева к его преемникам. Важным фактором, влияющим на этот поиск, стал пример соседнего Узбекистана, где после смерти первого президента И.А. Каримова, не озаботившегося вовремя этим транзитом, произошёл передел власти, в результате которого родственники Каримова оказались не у дел или даже под уголовным преследованием. Поэтому Назарбаеву и его окружению хотелось ещё при жизни первого президента организовать мирный трансфер власти избранному преемнику, при котором позиции семьи были бы незыблемы. В качестве такого преемника был избран К.К. Токаев, во-первых, имеющий должный административный опыт, во-вторых, по своим личным характеристикам считающийся управляемым и менее амбициозным политиком⁴.

Взойдя на пост президента, Токаев подтвердил лояльность предшественнику, символическим свидетельством чего стало переименование столицы Казахстана города Астана в Нур-Султан (в честь Н.А. Назарбаева). В то же время созданная конструкция оказалась, если не нежизнеспособной, то неэффективной, поскольку в республике сформировалось два центра политического влияния: "Акорда" – администрация нового президента, и "Библиотека" – резиденция Назарбаева, который сохранил за собой пост председателя Совета безопасности и правящей партии "Нур Отан", вследствие чего продолжал самым непосредственным образом влиять на политические процессы в Казахстане. В этих условиях чиновники на всех уровнях были дезориентированы и, грубо говоря, не знали, кому подчиняться. В условиях тяжёлого социально-экономического кризиса, вызванного пандемией коронавируса, подобная неэффективность властей стала особенно очевидна.

Кроме того, некоторые влиятельные лица, близкие к семье и окружению Назарбаева, очевидно, недовольные избранным сценарием транзита, не теряли надежды на его пересмотр. По мере старения Назарбаева (81 год на момент "январских событий") и снижения его дееспособности они стали действовать решительнее, ожидая, что смогут отстранить Токаева от власти в случае начала социально-политического кризиса в стране. И такой кризис не заставил себя долго ждать.

В этом заключается вторая схожая черта казахстанского и китайского кризисов. В обоих случаях народным волнениям предшествовало событие, ставшее "триггером", но не являющееся главной и единственной причиной протестов. В Китае таким "инфоповодом" стала смерть Ху Яобана, с именем которого связывалась либерализация общественной жизни в первой половине 1980-х гг., и желание пекинского студенчества "почтить его память" посредством манифестаций. В Казахстане "спусковым крючком" протестов стало внедрение рыночных механизмов ценообразования на газ, что ожидаемо привело к резкому повышению цен. Однако подлинной причиной в обоих случаях было общественное недовольство коррупцией, nepotизмом и различными темпами повышения уровня жизни у элиты и простых людей (грубо говоря, чиновники обогащались намного быстрее обывателей). Наиболее остро эти проблемы ощущались молодёжью, которая, вступая в самостоятельную жизнь, не видела перспектив для быстрого повышения социального статуса. Именно молодёжь стала движущей силой протестных движений – как минимум на первом этапе.

Третья схожая черта: в обоих случаях народное недовольство оказалось персонафицировано и было нацелено на национального лидера, находившегося у власти длительный срок. То обстоятельство, что формально и Дэн Сяопин, и Назарбаев на момент протестов уже не являлись главами государств, для вышедших

⁴ См., например, интервью заведующего сектором отделом Средней Азии и Казахстана Института СНГ А.В. Грозина от 1 июля 2019 года, в котором эксперт отмечает, что "Токаев – фигура временная. Вряд ли Назарбаев видит Токаева в руководстве Казахстана через десять или даже пять лет <...> Это человек, который должен выполнить определенные функции, сыграть определенную роль, а потом передать власть "нагыз" ("настоящему") президенту. <...> Он человек выдержанный, здравомыслящий". При этом эксперт вспоминает выражение "в тихом омуте сами знаете кто водится" и пророчески отмечает, что "такие вот тихони склонны к тому, чтобы всех потом удивить". URL: <https://regnum.ru/news/polit/2657590.html>

на улицы людей не имело значения. Несомненные заслуги двух патриархов в развитии своих стран также игнорировались. Фактически для протестующих два возрастных политика стали "козлами отпущения", которые оказались "виноваты" во всех их бедах, а осозаемой целью протестов стало требование их ухода из политики.

В Китае среди протестующих были популярны скандирования "Сяопин сятай" ("Долой Сяопина!"), а также требования раскрыть доходы своей семьи. Широко известен также апокриф о том, что демонстранты в знак протеста против Дэн Сяопина били маленькие стеклянные бутылочки, о чем написал Николас Кристоф для газеты "Нью-Йорк Таймс" в статье, посвящённой возложению венков к памятнику Народным героям 17 апреля [7]⁵. Существуют фотосвидетельства плакатов и дацзыбао с текстом "Ты стар, Сяопин! Когда человеку переваливает за 80, он глупеет! Престарелое правительство – в отставку! Долой культ личности!" В Казахстане же главным лозунгом первых дней протестов стало скандирование "Шал, кет!" ("Старик, уходи!"), обращённое к Назарбаеву. В городе Талдыкоргане 5 февраля толпа и вовсе снесла памятник Назарбаеву, расположенный на одноименной улице.

Примечательно, что и в Китае, и в Казахстане требования ухода с политической сцены Дэн Сяопина и Назарбаева не сопровождались поддержкой какого-либо другого политического лидера. Симпатии многих протестующих на площади Тяньаньмэнь были на стороне лидеров демократического крыла в руководстве Компартии Чжао Цзыяна и Цяо Ши, однако лозунгов в их поддержку не было. То же самое мы наблюдали и в Казахстане, где на поздней стадии кризиса протесты переросли в погромы (оценки того, кто именно стоял за ними: агенты спецслужб, представители исламских террористических организаций или опьянённая вседозволенностью молодёжь из сельских районов – оставим для историков будущего). При этом ни Токаев, ни его оппоненты (например, Карим Масимов) не фигурировали в лозунгах протестующих.

Наконец, четвёртой общей чертой двух кризисов следует назвать то, что власти в условиях двоевластия не сразу заняли последовательную и однозначную позицию в отношении протестов. Вместо этого они начали с уступок, что в обоих случаях привело лишь к эскалации протеста. В Китае часть руководства изначально поддерживала движение, называя его "демократическим и патриотическим"; в то же время позднее, 26 апреля, была выпущена передовица "Жэньминь жибао", называвшее его "смутой и беспорядками". 20 мая было принято военное положение, и в столицу введены войска, однако приказ о применении силы отдан не был, в результате чего студенты и сочувствующие им горожане почувствовали силу и перестали бояться военных. В Казахстане уже 4 января власти объявили о снижении цен на топливо и введении моратория на их повышение, а также об отставке правительства – то есть выполнили самые популярные требования протестующих на начальной фазе кризиса. Однако это привело лишь к расширению протестов и появлению новых, зачастую совершенно невыполнимых требований.

Также, говоря о схожести двух кризисов, отметим, что для них не были характерны такие факторы, как внешнее влияние (хотя об американском следе китайские политики начали говорить сразу же после преодоления кризиса, бесстрастный анализ имеющихся материалов не позволяет подтвердить этот вывод⁶) или межсубэтнический конфликт. Вопреки расхожим в российской публицистике представлениям о любом внутривнутриполитическом событии в Казахстане как о конфликте жузов, серьёзными экспертами по региону этот фактор применительно к событиям января 2022 года не усматривается.

⁵ Статья трактовала всю акцию исключительно сквозь призму недовольства Дэн Сяопином. Кристоф написал о том, что демонстранты разбили о постамент памятника бутылку водки, восприняв это как жест протеста против лично Дэн Сяопина, поскольку имя Сяопин 小平 было созвучно слову "бутылочка" 小瓶.

⁶ См. Зуенко И.Ю. Как не стоит интерпретировать события на площади Тяньаньмэнь // Профиль. URL: <https://profile.ru/politics/china/kak-ne-stoit-interpretirovat-sobytiya-na-ploshhadi-tyananmen-146989/>

Различий в ходе и характере двух кризисов, конечно, больше. Учитывая, что для целей нашей работы они не столь важны, остановимся только на основных.

Главные отличия связаны с тем, что в Китае наиболее острая фаза кризиса протекала в столице, на центральной площади столицы, в нескольких десятках метров от резиденции верховного органа государственной власти (Дом народных собраний). В Казахстане же изначально протесты возникли в западном регионе страны – Мангистауской области, и, быстро распространившись почти по всей стране, в наиболее острой форме наблюдались в Алма-Ате, которая является культурным и экономическим, но не политическим центром республики. В столице же в течение всего кризиса было относительно спокойно и безопасно. Данное обстоятельство является одним из главных аргументов против представления о "январском кризисе" как о попытке государственного переворота, поскольку с точки зрения насильственной смены власти критически важно лишь то, что происходит в столице.

В Казахстане, в отличие от Китая, кризис достаточно быстро перешёл черту, отделяющую "мирные протесты" от насильственных действий – уже на четвёртый день. Это способствовало и большему числу жертв – как среди гражданских лиц, так и среди сотрудников силовых ведомств. Помимо этого, Китай смог разрешить кризисную ситуацию 1989 года самостоятельно, тогда как Казахстан был вынужден запросить помощь союзников по ОДКБ.

Токаев в 1989 году

Итак, как мы видим, большое число общих черт должно было быть очевидным для человека, который оказался в эпицентре обоих кризисов – Касым-Жомарта Токаева.

Весной 1989 г. сотрудники советского посольства оказались вовлечены в события вокруг "тяньаньмэньского кризиса" в связи с тем, что готовился визит в Пекин М.С. Горбачёва 15–18 мая, а студенческие выступления не только затруднили проведение официальной церемонии встречи иностранного лидера на площади Тяньаньмэнь, но и неожиданно для советской стороны создали негативный фон для переговоров, поскольку протестанты, помимо прочего, требовали проведения реформ по советскому образцу, скандировали имя Горбачёва и ставили его в пример китайским лидерам [6, с. 66]. В своих воспоминаниях Токаев пишет, что "в Москву буквально ежечасно направлялись депеши с анализом ситуации в Пекине, и вплоть до самого последнего дня оставалась неясной возможность реализации всех пунктов программы визита" [6, с. 50]. Выполняя служебные поручения, Токаев не только лично присутствовал во время встреч Горбачёва с Дэн Сяопином и Чжао Цзяном, но и ездил в город для сбора информации, в том числе посредством общения с простыми горожанами и фотодокументирования ситуации⁷.

Подлинная причина "тяньаньмэньского кризиса" была предельно ясна советскому дипломату: "Для нас, непосредственных наблюдателей развернувшейся в китайской столице драмы, конечно, не было тайной усилившееся в высшем руководстве КНР противоборство двух линий, двух подходов к путям и методам осуществления экономических реформ" [6, с. 43]. При этом для Токаева оказалось характерно представление об управлении народными волнениями извне: "Эмоциями молодых людей умело управляли "наставники", внушавшие им мысль о том, что движение следует теперь направить именно против высшего руководства страны, ибо оно не поняло и не хочет понять патриотического порыва молодежи" [6, с. 46]. Этими "наставниками", по мнению Токаева, являлись те, кого он называет "закулисными либералами" [6, с. 47]: прежде всего, Чжао Цзяна, в отношении которого он довольно скептически, характеризуя того, как слабохарактерного, без-

⁷ Например, Токаев описывает, как на следующий день после разгона протестов на площади Тяньаньмэнь он совместно с коллегой из посольства вёл наблюдение из одного из номеров гостиницы "Пекин", расположенной в центре города. При этом он стал свидетелем знаменитой сцены, когда горожанин на несколько секунд перегородил движение танковой колонны (т.н. "танк-мэн"). Со слов Токаева, фото-съемка этого эпизода велась американскими журналистами, находившимися в соседнем номере [6, 63].

вольного человека [6, с. 52], а также известного физика Фан Личжи [6, с. 38], которого по роли в обществе уместно назвать "китайским Сахаровым" [3]. Зато о Ли Пэне, с именем которого связывается принятие решения о силовом подавлении кризиса, Токаев придерживается высокого мнения: "В те дни он вел себя очень решительно, считая, что ни в коем случае нельзя допустить дальнейшей дестабилизации положения в стране. Ради этой цели он принес в жертву свою личную репутацию и среди китайской интеллигенции, и на Западе" [6, с. 65].

В воспоминаниях Токаева отсутствуют упоминания, что его позиция по отношению к протестам менялась с течением времени. Напротив, как это следует из его слов (при этом не стоит забывать, что мы имеем дело с текстом, написанным постфактум), он с самого начала поддерживал тезисы передовицы "Жэньминь жибао" от 26 апреля и считал, что главной проблемой было отсутствие своевременной и жёсткой реакции властей. "Неспособность правительства урегулировать сложившуюся ситуацию или хотя бы выдворить с Тяньаньмэнь манифестантов наводила на размышления о его дееспособности в целом" [6, с. 59]. Описывая общение с простыми пекинцами в одном из кафе, Токаев пишет: "Не стесняясь в выражениях, они проклинали правительство и в то же время иронизировали по поводу того, что оно оказалось не в силах осуществить меры, предусмотренные статусом военного положения" [6, с. 60].

В словах Токаева нет ни намёка на сочувствие протестующим; напротив, он отчётливо видит, как из-за промедления и неуверенности властей ситуация выходит из-под контроля, и Пекин погружается в хаос: "Военнослужащих, пытавшихся выполнить приказ, жестоко избивали и даже убивали. Несмотря на заклинания студентов воздержаться от актов вандализма, инстинкт толпы брал верх. На западной окраине Пекина группа молодых людей (кстати, мало похожих на студентов) остановила грузовик и кирпичами забила насмерть водителя. Солдат кололи самодельными пиками, подстерегали на улице с ножами. К студенческому движению "примазались" отпетые уголовники. Пекин, похоже, был парализован и отдан во власть манифестантам. Полиция куда-то исчезла. Центральная площадь наполнила табор" [6, с. 54].

Рефлексируя на тему реакции мирового сообщества на пекинский кризис, в контексте того, что впоследствии на I-м Съезде народных депутатов СССР группа депутатов во главе с А.Д. Сахаровым выступила с предложением осудить действия китайских властей и даже отозвать советского посла из КНР⁸, К.К. Токаев отмечает: "Нам, очевидцам драмы в китайской столице, по-человечески была понятна боль и озабоченность демократической общественности. И в то же время вправе ли были профессиональные дипломаты позволить себе полностью окунуться в стихию эмоций? Где та неуловимая грань между нравственностью в политике и политической нравственностью? Нравственно ли отказывать в уважительном отношении к политике государства, с которым связывают четкие взаимные обязательства? Оправдано ли и с моральной, и с политической точки зрения предпринимать действия, подпадавшие под квалификацию "вмешательство во внутренние дела другого государства" <накладывая санкции или оказывая дипломатическое давление>?" [6, с. 58]. Таким образом, Токаев предстаёт как приверженец политического реализма не только во внутренних, но и в международных отношениях.

Повторный ввод войск в Пекин, на этот раз с приказом применять силу, для внимательного и прагматичного анализа, коим предстаёт на страницах своих воспоминаний Токаев, казался неотвратимым. "3 июня утром я выехал из посольства. Помнится, какое-то неосознанное чувство надвигающегося катаклизма вновь привело меня к центру Пекина. На Тяньаньмэнь царило безмятежье. Забастовщики слонялись по площади, усеянной грудями мусора. Палило солнце и, ка-

⁸ Данное предложение не было принято. СССР, в отличие от США, не осудил действия Пекина. Впрочем, и реакция Вашингтона была скорее символической, чем реально сдерживающей. В 1989 году было введено эмбарго на поставки в Китай вооружения, в то же время режим наибольшего благоприятствования в торговле, несмотря на инициативы отдельных конгрессменов, снят не был, и в целом объём торгового оборота и инвестиций США в Китае продолжал расти.

залось, студенты желали только одного – укрыться от его немилосердных лучей. Вокруг "Богини демократии" толпились кучки любопытствующих горожан" [6, с. 59]. "Однако во второй половине дня я стал свидетелем сцены, которая практически не оставляла сомнений в скором исходе волнений. Проезжая часть кольцевой дороги была перекрыта большим скоплением людей. Толпа находилась в крайне возбужденном состоянии, кто-то размахивал палками, кто-то предлагал вооружиться камнями и кирпичами. Посреди накаленной толпы стоял военный "джип", в котором испуганно понурив головы, сидели молодые солдаты. Их каски от ударов палками и камнями были изрядно помяты, с лица одного из военнослужащих стекала кровь. Машина не могла двигаться, так как кто-то из толпы сумел предусмотрительно проколоть шины. Не удержавшись, я поинтересовался у одной китайки причиной такого озлобленного отношения к обычному военному патрулю. "Это не просто патруль, – закричала она. – Это пополнение из числа ренулярных войск, причем не из Пекинского гарнизона, а из какого-то другого! Неужели войска всё же войдут в город?", – обращаясь к самой себе, в ужасе воскликнула моя случайная собеседница" [6, с. 60].

Так и оказалось. С унаследованным от своего отца писательским талантом Токаев констатирует начало силовой операции в ночь с 3 на 4 июня: "... А через несколько часов ночной стрекот цикад прервали гулкие автоматные очереди" [6, с. 60].

Токаев в 2022 году

Столкнувшись с тем, что в Казахстане стремительно набирал силу кризис, подобный тому, который он видел более 30 лет назад в Пекине, Токаев постарался сделать всё возможное, чтобы не допустить повторения китайских ошибок.

После краткосрочной заминки, свидетельствующей о неготовности властей к подобному повороту событий в условиях двоевластия, уже 4 января Токаев вышел на авансцену, записав видеообращение к нации. С тех пор именно он являлся главным действующим лицом событий, активно пользуясь таким прямым каналом общения с нацией, как видеообращения. Активность Токаева явственно контрастировала с отсутствием в публичном пространстве Н.А. Назарбаева. Таким образом, именно Токаев начал олицетворять собой государство и в глазах простых жителей, страдающих от эскалации насилия, превратился в главную надежду на нормализацию обстановки.

В обращении к нации Токаев прямо и недвусмысленно заявил о готовности сражаться за власть и неизбежности наказания за насильственные действия: "Призывы атаковать служебные помещения гражданских и военных ведомств являются абсолютно незаконными. Это преступление, за которым может последовать наказание. Власть не падет"⁹.

Одновременно с этим Токаев повышал свой политический капитал и консолидировал политическую систему в своих руках. Так, уже 4 января он отправил в отставку правительство Аскара Мамина и ряд высших чинов Комитета национальной безопасности (КНБ). Вместе с этим было объявлено чрезвычайное положение в ряде регионов и городов страны, включая Алма-Ату. В условиях единовластия этого бы хватило, однако в этот момент фактически перестали выполнять свои обязанности отдельные сотрудники силовых ведомств (прежде всего, КНБ), что и вызвало "алма-атинскую трагедию", когда мародёры захватили аэропорт, ряд правительственных зданий и подвергли грабежу значительную часть города. Корни этого "акта непослушания", вероятно, лежат в попытке части элиты дискредитировать Токаева и переписать, таким образом, сценарий транзита власти.

Токаев не стал повторять ошибок "тяньаньмэньского кризиса" и, во-первых, занял чёткую и последовательную позицию в отношении необходимости скорейшего подавления очагов сопротивления властям, не обращая внимания на реакцию мирового сообщества и оппозиции; во-вторых, взял на себя полную ответ-

⁹ Хроника событий в Казахстане // ТАСС. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/13354181>

ственность за решения и не стал апеллировать к мнению Назарбаева или некому коллективному консенсусу, как это было в Китае. Фактически именно "январский кризис" (вернее, его преодоление) сделал Токаева подлинным, а не формальным главой государства. Важнейшей формальной вехой в этом процессе стало решение Токаева сменить Назарбаева на посту председателя Совета безопасности страны, принятое уже вечером 5 января. Об этом было объявлено в новом видеообращении к нации (появилось в 16:00, здесь и далее хронометраж даётся по московскому времени).

Первым решением Токаева на этом посту стало обращение к ОДКБ с просьбой ввести союзные войска в Казахстан для помощи в наведении порядка (сообщения об этом появились в 21:46). Вторым решением стало освобождение от должности главы КНБ Карима Масимова (22:13) – бывшего премьер-министра республики, который долгое время считался своего рода "серым кардиналом" при будущем преемнике Назарбаева вне зависимости от того, кто им будет. Позднее Масимов был обвинён в государственной измене и заключён под стражу¹⁰.

Таким образом, Токаев, взяв ответственность на себя и поставив на карту свою политическую карьеру, добился быстрого разрешения кризисной ситуации. Вероятно, это позволило спасти не только десятки или даже сотни жизней мирных жителей и сотрудников правоохранительных органов, но и сам Казахстан в том виде, в котором он развивался с момента обретения независимости.

Уже к 10 января кризис можно было считать преодолённым. Чрезвычайное положение в отдельных регионах сохранялось до 16 января.

Кадровые перестановки, связанные с устранением от власти родственников Назарбаева, продолжались в течение января: 17 января в отставку были отправлены заместитель председателя КНБ Самат Абиш (племянник Назарбаева) и глава национальной палаты предпринимателей "Атамекен" Тимур Кулибаев (зять Назарбаева), 25 января снят с должности председатель ЦИК Берик Имашев (сват старшей дочери Назарбаева – Дариги¹¹). 26 января были одобрены законодательные поправки, отменяющие пожизненное председательство Назарбаева в Ассамблее народов Казахстана и Совете безопасности республики.

Что касается самого Н.А. Назарбаева, то он впервые появился на публике уже после преодоления кризиса. 18 января в видеообращении недавний лидер страны опроверг слухи о противостоянии в элите и заявил о том, что вся полнота власти была передана Токаеву ещё в 2019 г. Сам Токаев публично своего недавнего патрона не критиковал, в чём усматривается восходящая ещё к Дэн Сяопину формула оценки деятельности предшественника ("70% правильного, 30% ошибок"), которая Токаеву, как профессиональному китаисту, должна быть хорошо известна. В то же самое время перспективы дальнейшего развития отношений в тандеме "Токаев – Назарбаев" пока неясны.

Вновь обратившись к историческим параллелям с Китаем рубежа 1980–90-х гг., мы обнаружим, что Дэн Сяопин, де-факто отстранённый от власти после подавления "тяньаньмэньского кризиса" в рамках курса на омоложение руководящей элиты [4, 281], в дальнейшем приложил немало усилий для того, чтобы снова влиять на внутривнутриполитическую повестку. И был в этом успешен, осуществив в 1992 году т.н. "южное турне", от которого отсчитывается возобновление китайских реформ [4, с. 284–286]. Дэн Сяопин, несмотря на своё желание абстрагироваться от подавления народных выступлений в 1989 г. (которое в значительной степени и привело к затягиванию и последующему жёсткому подавлению кризиса), все равно оказался втянут в принятие решения по вводу войск на площадь, за что до сих

¹⁰ Тут возможны аналогии с Чжао Цзяном, который оказался под домашним арестом ещё до разгона протестующих на Тяньаньмэнь, при этом вина как Чжао Цзяна, так и Масимова в инспирировании или потворствовании кризису пока убедительно не доказана.

¹¹ Дарига Назарбаева на начало февраля 2022 года является единственной из родственников Назарбаева, которая занимает значимый политический пост – она является депутатом Мажилиса.

критикуется историками¹². Назарбаев также устранился (или был устранён) от урегулирования "январского кризиса" и также по итогу оказался не у дел, однако, пока он находится в здравии и дееспособности, сложно представить, что патриарх казахстанской политики откажется от амбиций влиять на дела в государстве. И если спустя 2–3 года Назарбаев вновь окажется в публичном поле как лидер общественного мнения и критик власти, аналогии с Дэн Сяопином станут ещё более выпуклыми.

Заключение

При всей условности и известной "натянутости" исторических аналогий и параллелей, они, как мы видим, могут быть полезны для интерпретации того или иного исторического события. Касым-Жомарт Токаев, принимая в судьбоносные дни 4–5 января 2022 года, ключевые решения в жизни не только себя, но и возглавляемого им государства, исходил в том числе из имеющегося жизненного опыта, ярким эпизодом в котором стало наблюдение за "тяньаньмэньскими событиями".

Естественно, автор далёк от утверждения, что только уроками, полученными в годы работы в КНР, руководствовался Токаев, однако обращает на себя внимание то, что действия Токаева позволили Казахстану избежать ряда ошибок, характерных для "тяньаньмэньского кризиса".

Во-первых, осознавая политический кризис как результат, прежде всего, противоборства элит с целью преодоления ситуации двоевластия, Токаев первыми же действиями стал напрямую обращаться к нации и предпринял действия по консолидации власти.

Во-вторых, Токаев заявил о необходимости жёсткого и быстрого подавления вышедших из-под контроля протестов и, самое главное, смог последовательно выполнить своё обещание, для чего даже обратился в помощи союзных государств – основным условием этого стала способность главы государства взять на себя личную ответственность за принимаемые решения без апелляции к коллективу или мнению "старшего товарища".

В-третьих, несмотря на явную персонификацию протестов, направленную против Назарбаева, Токаев не стал публично подвергать критике своего предшественника, однако, лишил его и большую часть родственников занимаемых ими должностей.

При этом, если продолжать аналогии с Китаем и эпохой Дэн Сяопина, становится ясным, что ещё при жизни Назарбаева возможно его возвращение в публичное пространство в качестве морального авторитета, указывающего на ошибки нынешнего руководства и желаемый вектор развития страны.

Данная статья, безусловно, не закрывает тему компаративного анализа "январского кризиса" 2022 года в Казахстане и "тяньаньмэньского кризиса" 1989 года в Китае, а всего лишь обозначает дискуссионное поле для будущих исследований. По мере расширения корпуса источников о двух событиях мы сможем, во-первых, с опорой на мемуаристику и возможно имеющиеся дневниковые записи более убедительно подтвердить гипотезу о том, что именно уроки, которые вынес для себя Токаев из событий "пекинской весны", способствовали принятию решений, приведших в конечном итоге к преодолению "январского кризиса" в Казахстане и консолидации власти в его руках; во-вторых, определить характер фракционной борьбы в казахстанском руководстве накануне "январских событий" и место в ней как самого К.К. Токаева, так и Н.А. Назарбаева и К.К. Масимова; в-третьих, раскрыть глубинные причины перехода "мирных протестов" к эскалации насилия и установить факторы устойчивости правящих режимов к подобному развитию событий.

¹² См., например, [1].

Литература

1. Галенович Ю.М. Чжао Цзыян и реформы в Китае. М.: Русская панорама, 2012. 752 с.
2. Зуенко И.Ю. Китай и события 1991 года в СССР (к 100-летию Коммунистической партии Китая и 30-летию распада СССР) // Международная аналитика, 2021. № 1. С. 96–111.
3. Ломанов А.В. Как увядали сто цветов // Россия в глобальной политике, 2005. № 2. С. 76–94.
4. Панцов А.В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 556 с.
5. Токаев К.К. Как это было. Хроника волнений в Пекине (апрель – июнь 1989 г.). Алматы: СП "Диана", 1994. 46 с.
6. Токаев К.К. Преодоление. Дипломатические очерки. Алматы: ОАО "САК" – НП ПИК "САУНАР", 2003. 656 с.
7. Kristof N. Privately, More and More Chinese Say It's Past Time for Deng to Go // The New York Times, 17.04.1989. URL: <https://www.nytimes.com/1989/04/17/world/privately-more-and-more-chinese-say-it-s-past-time-for-deng-to-go.html>
8. Zhao Ziyang. Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang. New York: Simon & Schuster, 2009. 590 p.).

References

1. Galenovich YU.M. CHzhao TSYzyan i reformy v Kitae. M.: Russkaya panorama, 2012. 752 s.
2. Zuenko I.YU. Kitaj i sobytiya 1991 goda v SSSR (k 100-letiyu Kommunisticheskoy partii Kitaya i 30-letiyu raspada SSSR) // Mezhdunarodnaya analitika, 2021. № 1. S. 96–111.
3. Lomanov A.V. Kak uvyadali sto tsvetov // Rossiya v global'noj politike, 2005. № 2. S. 76–94.
4. Pantsov A.V. Dehn Syaopin. M.: Molodaya gvardiya, 2013. 556 s.
5. Tokaev K.K. Kak eto bylo. KHronika volnenij v Pekine (aprel' – iyun' 1989 g.). Almaty: SP "Diana", 1994. 46 s.
6. Tokaev K.K. Preodolenie. Diplomaticheskie ocherki. Almaty: ОАО "SAK" – NP PIK "SAUNAR", 2003. 656 s.
7. Kristof N. Privately, More and More Chinese Say It's Past Time for Deng to Go // The New York Times, 17.04.1989. URL: <https://www.nytimes.com/1989/04/17/world/privately-more-and-more-chinese-say-it-s-past-time-for-deng-to-go.html>
8. Zhao Ziyang. Prisoner of the State: The Secret Journal of Premier Zhao Ziyang. New York: Simon & Schuster, 2009. 590 p.).

Иван Юрьевич ЗУЕНКО, канд. ист. наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, старший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, e-mail: zuenko@ihaeife.ru

Ivan Yu. ZUENKO, Candidate of Historical Sciences, Research Fellow, Institute of History, Archeology and Ethnology, Far Eastern branch of Russian Academy of Sciences, Senior Research Fellow, Institute of International Studies, Moscow State University of International Relations (MGIMO), e-mail: zuenko@ihaeife.ru

Поступила в редакцию
(Received) 09.02.2022

Одобрена после рецензирования
(Approved) 14.05.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.05.2022